

Руслан ХАДИМУЛЛИН

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ЗАПАДНЫХ БАШКИР В XVIII ВЕКЕ

Природа Западной Башкирии создавала благоприятнейшие условия для развития земледелия. Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в 1725—1726 годах по поручению начальника горных заводов Урала В.И.Геннина в волостях Западной Башкирии с целью выяснения численности населения, так характеризует башкир Казанской дороги: «Пахотной земли и сенных угодий довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб, и та дорога кормит Уфу. Они имеют двory хорошие, едят хлеб и всякое мясо, скота у них довольно, только лутше кормят и держат из-за того, что у них хлеба и соломы много. Меду и воску много. Ясак платят староположенный» [1].

После бурных событий 30-х годов XVIII века, основательно разоривших башкир, население приступило к восстановлению своего хозяйства быстрыми темпами, так как западные башкиры издавна занимались сельским хозяйством. В этом районе действия карательных экспедиций прекратились на два года раньше, чем в восточной части Башкирии. Благоприятно сказалоcь и то, что башкиры находились в соседстве с земледельческим населением Прикамья и Среднего Поволжья. Кроме того, в западной части Башкирии много было пришлых русских, та-

тарских и других крестьян-земледельцев, которые способствовали восстановлению земледелия. Башкирам Казанской дороги легче и проще было приобретать семенной материал и сельскохозяйственный инвентарь, здесь больше было кузниц в русских селениях, кроме того, после 1742 года их разрешили открывать и в башкирских селах [2].

О быстром восстановлении хозяйства говорит и тот факт, что в 1741 году при заведении пашни вокруг Оренбурга и других крепостей башкиры Казанской дороги по требованию генерала Соймонова продали казне 384 четверти яровых семян (овса, ячменя, проса), тогда как население небольшой Осинской дороги продало 242 четверти [3]. Этот факт показывает, что с одной стороны, башкиры Казанской дороги добились определенных успехов в развитии земледелия, с другой — они еще заметно отставали не только от пришлого нерусского населения, но и от жителей Осинской дороги. Согласились доставить Л.Я.Соймонову семена старшины Каршинской и Калнинской волостей Казанской дороги. При этом старшины говорили, «что хотя тех яровых семян у себя великое довольство не имеют, но когда оное потребно к высочайшему интересу, то они готовы поставить с каждого

двора в ведомстве их имеющегося, по одному четверику, что поставят 910 четвертей, в том числе пшеницы 160 четвертей» [4].

Итак, по словам старшин, башкиры указанных волостей не имеют дольства в хлебе как раз тогда, когда Соймонов уверяет, что он «нарочито уродился», то есть в урожайный год.

Уфимский воевода К.Д.Мерзлюкин доносил в Сенат в 1736 году: «Близ... пригородков на Осинской дороге и в Кунгурских уездах, где живут мещеряки, черемисы и вотяки, в том числе имеются малое число башкирцев, в которых местах хлеба сеют премоножество и родится довольное число. Из оных же мест хлеб сплавливать легко в Уфу на низ Уфою рекою, а не Казанского уезду преже сего провиант ставить в полную воду вверх без трудности...» [5].

Значительных успехов в области земледелия достигли, прежде всего, башкиры северо-восточных районов Казанской дороги, хотя и там земледелие было распространено неравномерно. Даже в районах развитого земледелия (Дуванская, Иланская волости) земледельческое хозяйство комбинировалось с другими промыслами. В некоторых северо-западных волостях (Енейская, Гирейская и др.) Казанской дороги, где земледелие достигло значительных успехов, земледельческое хозяйство все еще сочеталось с прочими занятиями. Об этом свидетельствуют показания башкир Енейской волости: «ясаки мы платили с лесу и с вод, а не с земли», то есть не с пашни [6]. В одной из пуб Енейской волости 10 башкирских дворов платили «по 10 куниц и 2 батмана меда в год», в то время как остальные 4 двора платили только «по 2 куниц и по янчырю меда». Башкиры, жалуясь на это, писали в челобитной: «и при нас, холопах твоих, живут они, Катък с товарищами, в ясаке вольготнее. А в вотчине ходили с ними вопче. А пахотных

земель у нас, холопей твоих, по закамской стороне мало. А они, Катък с товарищи, многими пахотными землями завладели» [7].

В первой половине XVIII века все больше становится земельных сделок между самими башкирами, что свидетельствует о повышении роли земледелия. В поисках свободной и плодородной земли для хлебопашества многие башкиры оставляют свои села и переселяются на новые места. В одном случае они поселяются в качестве припущенников на землях многоземельных башкирских вотчинников, в другом — приобретают земельные участки на условиях оброчного владения. Так, в марте 1731 года башкир Бюлярской волости Казанской дороги Асыбей Доскаев припустил башкира Енейской волости Апаса Тютеева в свою вотчину, чтоб ему «где пожелает, и пашню пахать, и сено косить» [8].

Башкир деревни Торужино Кыр-Кайлинской волости Казанской дороги Бойдан Боиртов, имевший в своей вотчине большие запасы пахотных земель и сенокосных угодий, припустил башкир деревни Зияшевой Енейской волости «пашни пахать и сено косить, и всякого зверя и птицу ловить, хмель щипать, и бобров побивать» [9]. В 1730 году башкир Дуванейской волости Кинзибей Сырымбетов припустил башкир той же дороги Кусыдяка Бекбулатова с товарищами в свою вотчину «под усад и под пашню земли и сенные покосы и другие угодья... И им, Кусыдяку с товарищи, в той Ылкичинской вотчине поселитца усадью 4-ми дворами, где пахотят, и пашни пахать, и сено косить, и рыбу и птиц и всякого зверя ловить» [10]. В 1754 году башкиры Каршинской волости А.Шерыпов, Н.Якупов отдали Оренбургскому коменданту П.С.Бахметову свои «пашенные земли, где им пашню пахать, рыбу и зверя ловить...» [11]

Из записей, относящихся к припуску сходцев, видно, что многие башкиры владеют пахотной землей, но пользуются ли они ею сами или отдают припущенникам, сказать трудно. Так, в припускной записи 1749 года «киргизских башкир старшины Аднагула Силюкова с товарищами» указывается: «И во всех...(отданных) урочищах...оным Усею с товарищи пашню пахать, сено косить... дрова рубить...и в удобных местах...по указам...мельницы строить, также всякого зверя и рыбу с ними, Аднагулом с товарищи, ловить вообще, а бортей...не делать» [12]. Здесь, кажется, можно увидеть разграничение угодий по важности. Такие земельные сделки в первой половине XVIII века встречаются довольно часто [13].

Расширение хлебопашества и растущее значение земледелия среди башкир отражаются и в документах, фиксировавших условия займа денег и найма работников. Вот запись «заемной кабалы» башкира Казанской дороги Купана Давлетбаева уфимскому казaku А.Я.Сусорову: «Писана кабала, что занял Уфимского уезда Казанской дороги дер. Тлееевой башкирец Купан Давлетбаев у уфимского казака у А.Яковлева сына Сусорова денег 8 руб. до срока на полтора месяца свыше писанного числа. Заплатить те заемные деньги хлебом ржи 16 четвертей в Уфимскую таможенную меру» [14]. Богатые башкиры, отдавая займы деньги, перед должниками ставили условия погашать долг не только деньгами, но и работой, связанной с обработкой полей, уборкой урожая, сенокосением и т.п. Кредиторы обязывали должников также обрабатывать долговые проценты. Например, обработка долговых процентов широко практиковалась башкирскими феодалами — крупными землевладельцами Шарыпом Мрясовым и его сыном Ах-

мером Шарыповым, являвшимися старшинами Каршинской волости Казанской дороги. Так, чуваш той же дороги Александр Федоров с товарищами 14 мая 1763 года заняли 239 рублей у Ахмера Шарыпова и обязались вернуть долг через два года. При этом они должны были отрабатывать долговые проценты, а именно построить «мельничный амбар, состоящий на речке Кармасане, помольную избу, толчею» и другие [15]. Через два месяца те же чуваш Александр Федоров с товарищами заняли 160 рублей у Шарыпа Мрясова с условием возвратить долг через два года. Причем и в этом случае чувашаи обязаны были отрабатывать долговые проценты — заготовить для Мрясова 400 копен сена [16].

Кроме вышеприведенных примеров, сохранилось немало других заемных, долговых и житейских записей, в которых указывается на то, как должники были обязаны отрабатывать долг на земле кредитора [17]. Правда, в этих документах отражаются взаимоотношения лишь богатой и беднейшей части населения, но они свидетельствуют о появлении сравнительно крупных земледельческих хозяйств у башкир.

О развитии земледелия и хлебопашества говорит и наличие мельниц. Судя по источникам, часть мельниц была построена башкирскими земледельцами. Так, в 1731 году башкирским старшиной Шемшадинской волости Нургалеем Еучуковым на реке Тюрине была построена колесчатая мельница на двух поставах [18]. В 1711 году башкир Казанской дороги Каршинской волости Азимбет Сартов с товарищами отдали башкирам той же волости Темиру Алменову и Сюнлетю Еманову мельницу, «а буде они пахотят ниже той мельницы прудить мельницы же, и им, Темиру и Сюнлетю, те мельницы строить» [19]. В 1729 году башкир Каршинской волости Тохтар

Нуркеев уступил свою вотчинную землю башкиру той же дороги Ногаю Кодраеву с товарищами, и им «...Тохтару с товарищи, про себя, да на Секнязе речке построить мельницу колещатую, которую держит Шерып Тюляков, и пахотной земли одно поля с степью и с санными покосы ... и оным Ногаю и Сеипу с товарищи по Кармасану речке юртами поселитца, где пахотят пашню про себя пахать и сено косить» [20]. В том же году башкир Иланской волости Рыс Телесев разрешил башкирам той же волости И. Ямбекову с товарищами на речке Сибиргене мельницы строить [21]. В 1754 году башкир Сарайли-Минской волости Усядык Кугашев припустил татарина Зюрейской волости Айдаша Зайтова в свою вотчину «построенную мною, Усядыком в мельницу мутовку, в половину, чтоб она меленка была у нас Усядыка и Айдаша, общая» [22]. С расширением земледелия башкирские хозяйства начинают поставлять на рынок товарное зерно и другие продукты земледелия. Так, в 1732 году 50 человек башкир Иланской и других волостей ездили в Яицкий городок для продажи хлеба [23].

О высоком развитии хозяйства докладывал в начале 1745 года и губернатор Неплюев. Как он утверждал, жители Казанской дороги усердно занимались хлебопашеством и заготовкой сена для скота и к середине XVIII века стали производить сельскохозяйственные продукты в количестве, достаточном для собственного потребления, а некоторые — и для продажи [24].

Из сельскохозяйственных культур использовались как озимые (рожь), так и яровые (ячмень, овес, просо). Например, в 1743 году старшиной Каршинской волости Шарипом Мряковым было засеяно 25 загонов хлеба, в том числе 15 загонов озимой ржи [25].

В то же время часть жителей Казанской дороги занималась земледелием мало. Это относится к юго-западным и отчасти западным башкирам Казанской дороги. Главным занятием этой части башкир было скотоводство.

Во второй половине XVIII века продолжается процесс быстрого роста земледелия. Начальник 10-го Уфимского кантона доносил, что «башкиры Мензелинского уезда более других привычны к хлебопашеству, и есть деревни, не уступающие в хозяйстве русским... Мензелинския башкиры наполнены более других кантонов припущенниками разного наименования, принадлежащего также башкирам, а потому в этом уезде недостаток не в труде, а в земле». Начальник кантона просит ускорения размежевания земель, чтобы переселить некоторых припущенников «на другие свободныя башкирския земли» [26].

В ответах на анкету Шляхетного кадетского корпуса об экономическом состоянии Оренбургской губернии в 1761 году отмечается, что «в слободах же и деревнях, которые ближе к Казанской губернии, хлеба сеются и выходят против посееннаго в лучшие годы — рожь в 10, пшеница в 9, овес в 10, ячмень в 4, полба в 3, горох в 9 крат. Обыватели продавать оной хлеб возят в Оренбург и в другие крепости» [27].

По данной ведомости, составленной в Уфе 14 декабря 1764 года, одной из наиболее важных земледельческих центров была западная часть Башкирии. В записи башкир Казанской дороги Кыр-Иланской волости Сююндюка Сагындыкова и Баязита Бекташева говорится об отдаче им в оброчное владение на 30 лет земель по реке Белой: «...не переходя большую дорогу, от оной дороги идти на состоящей на устье речки Базгие... с пахотную землю, с лесом, с санными покосами...» [28] Есть све-

дения о мельницах, которые прямо указывают на занятие жителей земледелием. В записи о припуске в свою вотчину татарина Казанского уезда Зюрейской волости Айдаша Зайтова башкирами Казанской дороги, Сарайли-Минской волости Усядыка Кугашева указано о совместном владении половиной мельницы [29].

В 60—70-х годах XVIII века на территории Казанской дороги побывали участники академических экспедиций. Капитан Н.Рычков, посетивший юго-западные районы Казанской дороги, характеризует население среднего течения реки Ик и пишет: «В сих местах живет множество башкирцев, кои в число земледельцев причислить невозможно. Народы, обитающие в сей стране, суть татары, и службу отправляющие башкирцы, которые отчасти земледельцы, а больше ещё скотоводы и пчеляки». Башкир, живших в верховьях рек Кинель, Дема, Н.Рычков называет лишь скотоводами. «И всем известно, что они в хлебопашестве почти не упражняются, а польза их происходит от одного только скотоводства. Зимой пребывают они в убогих хижинах, а весной в степях» [30]. Характеризуя население бассейна реки Танып в северо-западной части Башкирии, он в 1769 году писал: «Народы, по берегам ея живущие, суть в земледельстве упражняющиеся башкирцы, между которыми поселилась некоторая часть вотяков и черемис» [31]. П.С.Паллас тоже отмечал, что башкиры этого края «как от землепашества, также от вождения пчел равное довольство имеют... Богатые здешние башкирцы столь изрядные землепашцы, что множество ржи на Камские винокурни отвозят» [32].

Определенное значение имело и то, что башкиры-скотоводы всегда могли приобрести у своих соседей крестьян-

земледельцев (путем покупки или обмена) необходимое зерно. Более быстрому переходу башкир к земледелию мешало отсутствие у них необходимых традиций и навыков, а также более высокая трудоемкость земледельческого производства. И.Г.Георги, например, пишет, что башкиры почитали «промысел сей слишком для себя тягостным» [33]. Не случайно современники, сравнивая жизнь башкир-скотоводов и крестьян-земледельцев, рассматривали первых как людей, ведущих праздный образ жизни [34].

Таким образом, анализ исторических сведений позволяет сказать, что постепенно у башкир Казанской дороги усиливается роль земледелия в рассматриваемый период. По свидетельству очевидцев, специально изучавших экономику края, в некоторых северо-западных волостях Казанской дороги земледелие играло не меньшую роль, чем скотоводство, а в большинстве волостей оно имело вспомогательное значение.

Быстрое развитие земледелия было также обусловлено интенсивным переселенческим течением русских и других национальностей, которые издавна занимались земледелием. Во второй половине XVIII века, пытаясь уйти от безземелья и крепостничества, десятки тысяч крестьян устремились из центральных губерний России и Среднего Поволжья в Приуралье, Башкортостан. Преобладали среди переселенцев русские и татарские крестьяне. Уменьшение пастбищ и лугов заставляло обитателей края переходить к более развитым формам земледельческого хозяйства.

Пахотные земли и сенокосные угодья приобрели большую ценность, потому при совершении земельных сделок непременно отмечалось наличие «пахотных земель», «сенных угодий» и «мельничных мест». Участились

случаи купли и продажи пахотных земель не только между башкирскими вотчинниками и пришлыми людьми, но и между самими башкирами.

Изменились условия припуска: припущенники должны были платить вотчинникам гораздо дороже, чем в первой половине XVIII века. Так, например, башкиры деревень Сики, Казгалик, Уразметевой, Кильми-Тамак и Сеитовой Булярской волости Казанской дороги 2 апреля 1753 года припустили в свою вотчину четырех татар и при этом зафиксировали, что припускают их в «старинную вотчину свою, а именно: в землю в пахотную и в покосы», поэтому назначили более высокую цену. Припущенники заплатили вотчинникам 8 рублей, кроме того обязались ежегодно платить по 1 рублю оброка. За такую сумму в первой половине XVIII века припускались не четыре человека, а гораздо больше. Башкиры деревни Новое Тураево Булярской волости Казанской дороги в 1756 году припустили на оброчное владение в свою «пахотную землю и сенными покосы» сроком на 40 лет одного лишь отставного прапорщика Мензелинского гарнизона А.М.Калмакова за 40 рублей. Башкиры Кыр-Иланской волости Казанской дороги в 1762 году продали участок «с пашенного землею, с сенными покосами» капитану Шешминского Ландмилицкого полка Б.Ф.Мертваго за 70 рублей [35].

Во второй половине XVIII века заключаемые земельные сделки между самими башкирами свидетельствует о повышении роли земледелия. В январе 1756 года башкиры деревни Исемметовой Булярской волости Казанской дороги припустили жителей деревни Калмаш той же волости «жить 8-мью дворами, землю пахать, сено по обе стороны Аушты речки от логу Узункула до вер-

шины косить и хмель щипать, ... и мельницу строить». За припуск калмашевцы заплатили 30 рублей. В марте того же года башкир Казанской дороги Енейской волости деревни Каймурзиной Арслан Суюшев припустил за 10 рублей башкира той же дороги Кусюма Маметова для поселения с условием «землю пахать, сено косить по межам», отмеченным в записи. Башкир деревни Чекан-Тамак Киргизской волости Казанской дороги Мурсалим Каныбеков, имевший в своей вотчине большие запасы пахотных земель и сенокосных угодий, припустил башкир деревни Тайчи Булярской волости той же дороги с условием «поселитца (им) осинатцати дворами, жить, землю пахать, сено косить, лес рубить, дворами строитца и скота всякого водить». Припущенники заплатили вотчиннику 17 рублей [36].

В июле 1775 года Уфимского уезда Казанской дороги Юрминской волости вотчинники башкиры с общего согласия продали в 1773 году отставному канцеляристу А.М.Островскому «без выкупу в вечное владение землю по межам и урочицам» за 250 рублей [37].

Во второй половине XVIII века богатые башкиры продолжали кредитовать бедных башкир, превращая их в работников (ялсы). Так, служилые татары Казанской дороги, деревень Казанлы-Тамак Султан, Арслан и Усман Ямбулатовы 17 сентября 1765 года взяли займы 100 рублей 27 копеек у главного походного старшины Каратабынской волости Ногайской дороги Бикташа Кыдрасова. Полученную сумму татары должны были вернуть кредитору ровно через год. По условиям записи все трое Ямбулатовы с женами и детьми в течение года обязаны были жить у Бикташа Кыдрасова. «И во время того житья, — говорится в документе, — работать вся-

кую ево, Бикташеву, домовую работу, то есть пахать на ево, Бикташева, собственных лошадях и хлеб как орженой, еровой, також конопель и лен и огородной всякой овощ, брав, сесть из ево, Бикташева, собственного семени сколько мочи нашей будет, которой по урожае снимать, в гумна возить, молотить, орженой молоть, а еровой в крупу делать». Полученный урожай, в том числе коноплю и лен, Кыдрасов должен был делить пополам с Янбулатовыми. Кроме того, должники обязались заготовить 300 копен сена для скота кредитора, а в зимнее время жить и работать «на хуторах его, Бикташевых, имеющихся по речке Писмене в собственных ево дворах» [38].

По всему видно, у башкирского феодала Бикташа Кыдрасова было крупное, хорошо поставленное хозяйство, основу которого составляло земледелие. Бросается в глаза разнообразие сельскохозяйственных культур на полях Кыдрасова: рожь, яровые, конопля и лен; он даже выращивал овощи.

Свидетельством развития земледелия в регионе является и увеличение количества мельниц. Имеются данные на 1764 год [39], согласно которым в пределах Казанской дороги имелось 402 мельницы, Осинской — 143, Сибирской — 115 и Ногайской — 78.

Количество мельниц, естественно, было больше там, где более сильно развивалось земледелие, то есть в западной части Башкирии, где работало 75% всех мельниц.

Рассмотрим возделываемые культуры и систему земледелия. Башкиры рассматриваемого региона имели значительные посевы ржи. В некоторых документах, относящиеся к середине XVIII века, содержатся указания на примерно равное соотношение озимых и яровых («5 полос оржаного хлеба, да 5 полос ярового хлеба») [40].

В этих случаях несомненен факт применения башкирами трехпольного севооборота уже в середине XVIII века. Подтверждением тому является свидетельство Рычкова о том, что «прилежнейшие земледельцы, особливо же российские, все пашни свои на три поля разделяют» [41]. Трехполье практиковалось как русскими, так и другими народами края, в том числе и башкирами.

Среди орудий труда широкое распространение получил татарский плуг-сабан с колесным передком. Но сабан был тяжелым плугом. Тянуть его могли от 3 до 6—7 лошадей, что было не по средствам подавляющему большинству западных башкир. П.И.Рычков и П.С.Паллас отмечают, что башкиры, отказавшись от сабанов, стали «везде возделывать плодоносные свои земли русскими сохами» [42].

Таким образом, Казанская дорога в XVIII веке была достаточно развитым сельскохозяйственным районом. Население северной части Казанской дороги уже к началу XVIII века было оседлым и занималось земледелием. В целом, первая половина XVIII века явилась для хозяйства западных башкир переходным периодом, так как именно в это время традиционное скотоводческое хозяйство начало уступать свое ведущее место земледелию. Не имеется точных сведений о характере башкирского земледелия. Есть мнение, что у северо-западных башкир в XVIII веке земледелие было трехпольным. Трехполье, вероятно, существовало, но данных о степени его распространения не имеется. По крайней мере, сам примитивный характер башкирского земледелия не вызывает сомнений. Хлеб засеивался в одном месте в течение ряда лет, без всяких удобрений, и после истощения земли она забрасывалась. В результате накопились обширные массивы залежных земель.

Примечания

1. Материалы по истории Башкирской АССР (далее: Материалы...) Т. III. М.-Л., 1949. № 546. С. 483; История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства). Ч. 1. Уфа, 1996. С. 38.
2. Усманов А.Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 26.
3. Материалы... Т. III. №№ 561, 562. С. 508-510.
4. Материалы... Т. III. № 561. С. 483.
5. Материалы... Т. III. № 553. С. 449.
6. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. М., 1961. С.216.
7. Там же. С. 217.
8. Материалы... Т. III. №361. С. 286.
9. Материалы... Т. III. № 452. С. 378.
10. Материалы... Т. III. № 353. С. 279.
11. НА БФАН СССР. Ф. 3. Оп. 12. Д. 49. Лл. 254-255.
12. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII — XIX вв. Уфа, 1998. С. 25.
13. Материалы... Т. III. №№ 171, 180, 413, 415, 343, 100, 93, 205, 245, 398, 469, 382, 377 и др.; Т. IV. Ч. 1. М., 1956. №№ 71, 98, 330 и др.
14. Материалы... Т. III. № 301. С. 230.
15. Материалы... Т. IV. Ч. 1. №202. С. 258-259.
16. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 207. С. 263.
17. Материалы... Т. III. №№ 99, 203, 325, 332, 333, 314 и др.; Т. IV. Ч. 1. №№ 134, 228, 242, 243, 262 и др.
18. Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Под ред. Н.У. Устюгова, Р.Г.Кузеева. Уфа, 1958. С. 33.
19. Материалы... Т. III. №.100. С. 74.
20. Материалы... Т. III. № 343. С. 269-270.
21. Материалы... Т. III. № 344. С. 270.
22. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 44. С. 81.
23. Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 37.
24. Усманов А.Н. Указ. соч. С. 26-27.
25. Демидова Н.Ф. Указ. соч. С.29.
26. НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 211.
27. Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С.10
28. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 181. С. 134.
29. Материалы... М.-Л., 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 44.
30. Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 108.
31. Там же. С. 154-155.
32. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. III. 2-я пол. С. 26.
33. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776Ч. 2. С. 93.
34. Паллас П.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 651.
35. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 30. С.70; № 80. С. 126-127; № 180. С. 232-233.
36. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 64. С. 105; № 71. С. 114; № 98. С. 146.
37. НА УНЦРАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 28. Л. 15.
38. Материалы... Т. IV. Ч. 1. № 279. С. 314-315.
39. Материалы... Т. IV. Ч. 2. № 391. С. 108.
40. Материалы... Т. III. М.-Л., 1949. № 129. С. 91; Т. IV. Ч. 2. № 279. С.314-315.
41. Бикбулатов Н. В. Пахотные орудия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979. С. 54.
42. Усманов А.Н. Указ. соч. С. 59.